наши презентации

К юбилею Московского педагогического государственного университета

Валерия Мухина

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА
ЛАДЫГИНА-КОТС — ВЫПУСКНИЦА
ВЫСШИХ ЖЕНСКИХ КУРСОВ,
ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ПСИХИКИ ЖИВОТНЫХ И РЕБЕНКА,
ОСНОВОПОЛОЖНИК СРАВНИТЕЛЬНОЙ
И ДЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Надежда Николаевна Ладыгина-Котс (1889—1963) — уникальный исследователь-натуралист, красавица и по-настоящему интеллигентный человек.

Ее капитальные труды по проблемам психики животных: «Исследование познавательных способностей шимпанзе» (1923), «Приспособительные моторные навыки макак в условиях эксперимента» (1926), «Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях» (1935), «Развитие психики в процессе эволюции организмов» (1958), «Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян» (1959), «Предпосылки человеческого мышления (подражательное конструирование обезьяной и детьми)» (1965), многочисленные статьи, опубликованные в ведущих отечественных журналах и зарубежных изданиях, известны в СССР, России и за рубежом.

Надежда Николаевна Ладыгина-Котс

Жизнь и научная деятельность Надежды Николаевны — незаурядной цельной личности, человека большой внутренней культуры, проницательного ума, такта, скромности — является примером для каждого из тех, для кого наука стала смыслом жизни.

Н.Н. Ладыгина-Котс родилась 18 мая 1889 г. в г. Кузнецке Саратовской губернии (ныне Пензенской области) в семье учителя музыки и пения Пензенского реального училища. В том же году семья переехала в Пензу. Окончив Первую Пензенскую гимназию с золотой медалью, в 1908 г. Надежда Николаевна поступила на Московские высшие жен-

ские курсы, которые окончила в 1916 г., а спустя год

получила диплом Московского университета.

В 1911 г. она вышла замуж за Александра Федоровича Котса (1880–1964) — профессора Высших женских курсов, основоположника музея Чарльза Дарвина и в ту пору директора Московского зоопарка. Молодые супруги много путешествовали по Европе, посещали знаменитые музеи и наслаждались красотой архитектурных творений, что не помешало Надежде Николаевне начать проводить эксперименты в основанной ею зоопсихологической лаборатории с макакой-резусом, собаками, попугаями и шимпанзе Иони.

Супруги Надежда Николаевна и Александр Федорович Котс

Профессор А.Ф. Котс был так влюблен в свою Наденьку, что отказался от кругосветного путешествия, подобного путешествию Чарльза Дарви-

Эксперименты Н.Н. Ладыгиной-Котс

на на корабле «Бигль», в качестве биолога. Два этих человека нашли друг друга для счастливой жизни в любви и в науке.

Надежда Николаевна в Предисловии к своему всемирно известному труду «Дитя шимпанзе и дитя человека», изданному в Москве в 1935 г. Государственным Дарвиновским музеем, с благодарностью обращалась к зарубежным коллегам-ученым, подчеркивая внимание, научную и литературную помощь профессора Р. Йеркса (1876—1956), директора Антропоидной станции во Флориде; профессоров А.Ф. Ос-

Титульный лист монографии «Дитя шимпанзе и дитя человека»

борна (1888–1966), У.К. Грегори (1876–1970), С.В. Фернбергера (1887–1956), А.Л. Гезелла (1880–1961) в Америке; профессора А. Кизса (1866–1955) в Англии; профессоров Г.Ф.Х. Брандеса (1862–1941), В. Штерна (1871–1938), О. Липмана (1880–1933), О. Келера (1889–1974) в Германии; профессора Г. Ревеса (1878–1955) в Голландии, профессора Э. Клапареда (1873–1940) в Швейцарии. Эти ученые проявляли большой интерес к работе Н.Н. Ладыгиной-Котс, причем еще тогда, когда она была в рукописи, и тем самым, как утверждала Надежда Николаевна, стимулировали его интенсивное и экстенсивное выполнение [1, с. XV].

Эта удивительная женщина не забыла выразить свою благодарность всем, кто так или иначе был причастен к ее научно-исследовательской деятельности: верным сотрудникам, стоявшим у исто-

ков ее исследований; художникам-анималистам – от знаменитого В.А. Вата-

гина до молодых художников того времени, в частности Н.Н. Кондакова (он сделал тысячи тончайших акварельных зарисовок ее маленького сына Руди, связанных с закреплением элементарных интеллектуальных проявлений), М.М. Потапова, написавшего живописный портрет Руди, и В.В. Трофимова, прекрасно выполнившего графические рисунки.

Надежда Николаевна выразила свою глубокую признательность С.С. Толстому, правнуку Л.Н. Тол-

Полулежачие позы шимпанзе и человека

стого, который «с обычным стилистическим мастерством выполнил перевод на английский язык резюме» книги.

Н.Н. Ладыгина-Котс с Иони. 1914. Фото А.Ф. Котса. Дарвиновский музей

Завершая Предисловие, дорогая и глубоко почитаемая мной Надежда Николаевна писала: «История этой книги не была бы досказана до конца, если бы я не упомянула о том, что в то время, как я наблюдала Руди и Иони, зачастую при них записывала поведение малышей, чтобы получить протокольно-точную картину записи, — две пары... глаз — карие глаза Иони и серозеленые глазки Руди — тоскливо и печально смотрели на меня.

Кто имеет, знает и любит детей, читая эти строки, поймет, какое глубокое волнение охватывает меня при этом воспоминании.

Надежда Николаевна с Руди

Ведь Руди и Иони были дети, а дети всегда хотят быть веселыми, и вдруг почему-то они замечают, что я смотрю на них так серьезно, так сосредоточенно...

Дети всегда хотят, чтобы присутствующие взрослые их развлекали, а здесь они видят, как я занимаюсь каким-то своим, непонятным для них, чужим делом.

Для обоих я была самым близким и желанным человеком, – и именно со мной они так радостно играли, а теперь я почему-то отстраняю их от

себя и сижу неподвижно на одном месте и длительно пишу.

И я чувствую, вижу, как оба они стараются всякими способами заставить меня в этот миг забыть о науке, напомнить о том, что они — настоящие, живые дети, — и малышик Иони дергает меня за платье, приглашая к игре, вырывает ненавистные ему карандаш и блокнот, а сынок Руди

тянет жалобным голосом, забираясь ко мне на колени: "когда же ты кончишь?"» [1, с. XV].

Я, родившаяся в год выхода в свет этой книги Надежды Николаевны, в девятом классе пришла в Дарвиновский музей и, восхитившись благородством, изяществом и умом этой прекрасной ученой женщины, на всю жизнь осталась ее почитателем и благодарной ученицей.

Первое свидание с Надеждой Николаевной организовала нам, девятиклассницам, наша школьная учительница психологии Елена Михайловна Кудрявцева, кандидат психологических наук,

Надежда Николаевна с Иони

сотрудница Института психологии АПН СССР. Во многом благодаря ей и ее урокам я увлеклась психологией. В первую очередь меня интересовали особенности поведения высших животных.

Александр Федорович Котс и Надежда Николаевна в Дарвиновском музее

С Еленой Михайловной у нас сложились добрые отношения. Подарив мне книгу И.М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», она посоветовала мне внимательно читать и конспектировать ее. Я с рвением приступила к столь нелегкому для меня в ту пору труду. На следующий год я повторила сей труд — для моей же пользы, как наставляла меня моя школьная учительница. Еще один ее бесценный в те годы подарок — книга И.П. Павлова «Лекции о работе больших полушарий головного мозга».

Елена Михайловна много рассказывала нам о Дарвиновском музее и специально о научном

Деятельность Н.Н. Ладыгиной-Котс в годы Великой Отечественной войны

подвиге зоопсихолога и детского психолога Надежды Николаевны Ладыгиной-Котс... Так что некоторым образом я была подготовлена к встрече с настоящим ученым.

Однако, увидев воочию эту женщину и услышав то, о чем она говорила, я была так поражена ее личностью, особенностями ее общения с нами (с поколением, начавшим свою жизнь в условиях Великой Отечественной войны, испытавшим горькую участь сиротства

и голодных времен, наблюдавшим со страхом и ужасом, как исчезали из их ближайшего окружения дорогие им люди, объявляемые «врагами народа»), что мое сердце было отдано ей бесповоротно, раз и навсегда.

И вновь хочу вернуться к Предисловию к ее книге, чтобы с восхищением показать потенциальным моим читателям благородство, отражающее прекрасное воспитание удивительного, замечательного человека—Належлы Николаевны Лалыгиной-Котс.

Надежда Николаевна благодарила также своего супруга — самого главного соучастника ее труда, основателя Дарвиновского музея Александра Федоровича Котса. Она писала: «Сколько раз на протяжении этих длинных десяти лет у меня наступали минуты душевной усталости, полосы временного психического застоя! Но всякий раз, как я видела перед собой его всегда энтузиастичный облик и слышала его вдохновенные слова, снова вспыхивала и разгоралась у меня потухающая искра научного искания.

И вот, когда переберешь все это в мыслях, так ясно видишь, как сравнительно мал мой личный труд в этом печатном труде.

Что выпало на мою долю?

Длительно целенаправленное научное искание, радостный труд наблюдения, терпеливый анализ и робкий синтез.

И так хочется воскликнуть: "Весь этот печатный труд в целом – это не мой труд. Это труд, и терпенье, и силы, и уменье, и одаренность, и энер-

гия, и вдохновение всех тех, кто был и есть рядом со мной, кто, быть может, лишь короткий срок был вместе и кто прошел лишь мимоходом, и кто ушел навеки, но оставил незабываемый след здесь — на этих печатных страницах".

Им всем – близким и далеким, живым и умершим, известным и безвестным, упомянутым и неупомянутым – я и посвящаю этот мой труд...

Н. Ладыгина-Котс» [1, с. XV–XVI].

Эксперименты Н.Н. Ладыгиной-Котс с Иони

Труд Н.Н. Ладыгиной-Котс структурно состоит из трех частей:

Часть I (описательная). Поведение дитяти шимпанзе. Состоит из десяти глав, в которых описывается: внешний облик шимпанзе; ее эмоции; инстинкты; игры; предусмотрительное поведение (обман, хитрость); употребление орудий; подражание; память; язык жестов и звуков; природные звуки.

Часть II (аналитическая). Поведение дитяти человека. Состоит

Поведение дитяти шимпанзе

из пяти глав, в которых описывается: сравнение внешнего облика человека и шимпанзе; сравнение эмоций человека и шимпанзе; сравнение инстинктов человека и шимпанзе; игры человека и шимпанзе; память и привычки дитяти — эволюция речи ребенка, характерные интеллектуальные черты дитяти.

Часть III (синтетическая). Биопсихологические черты сходства и различия в поведении дитяти человека и дитяти шимпанзе. Состоит из двух

глав: черты сходства; черты различия и заключение.

Меня особенно интересуют эмоции шимпанзе и ребенка в их сходстве и различии, а также природные звуки шимпанзе, а еще звукоподражания и эволюция речи ребенка.

При этом я хотела бы обратить внимание моего читателя на то, что Н.Н. Ладыгина-Котс писала «об особенностях тона переживаний» [1, с. 4]. В младенчестве и в детстве дитяти человека ученый выделила язык мимики и жестов, когда еще не появился язык членораздельной речи. «Когда же появляется членораздельная речь, она заступает это безмолвное общение. Слово начинает передавать в совершенстве наши мысли, а интонация сообщает ему тот эмоциональный оттенок, без которого сама мысль, самое слово мертво и безжизненно» (курсив мой. — B.M.) [Там же, с. 5].

Эти слова ученого не случайно появились на первых страницах труда. Описывая природные звуки шимпанзе, Н.Н. Ладыгина-Котс писала о том, что, суммируя природные звуки, издаваемые шимпанзе, следует подчеркнуть, «что эти звуки являются дополнительными внешними атрибутами, сопровождающими по преимуществу, если не исключительно, эмоциональные состояния животного» (курсив мой. — В.М.) [Там же, с. 243]. При этом ученый описала, выделенные ею 23 типа отличающихся друг от друга звуков [Там же, с. 243—248].

Далее Надежда Николаевна попыталась зафиксировать эволюцию речи ребенка [Там же, с. 439–446]. Она записала первые слова своего малолетнего сына начиная с возраста $1.5.10^*$.

 $^{^*}$ 1.5.10 — принятое в науке обозначение возраста: первая цифра обозначает годы, вторая — месяцы, третья — дни.

Позы и жесты весело настроенных шимпанзе и человека

Ученый не уставала подчеркивать, что дитя шимпанзе, как и дитя человека, обладает сильно выраженным инстинктом подражания. Видя внешние проявления различных эмоций (страха, печали, радости, злобы) и зачастую солидаризируясь с человеком в воспроизведении звуков, жестов, поз и телодвижений, связанных с проявлением этих эмоций, дитя шимпанзе быстро и легко заражается ими от человека [1, с. 457].

Безукоризненно честный ученый, Надежда Николаевна писала: «И вот теперь, в конце исследования оказывается, что тот мост, который я старалась перекинуть через психическую бездну, разделяющую шимпанзе от человека, затрещал...» [Там же, с. 494].

Н.Н. Ладыгина-Котс выполнила взятые на себя обязательства: наблюдениями, побуждениями, включенным обучением и бесконечными вариациями создаваемых для Иони и Руди условий она убедилась, что пропасть между человекообразными высшими обезьянами и человеком разверзлась из-за того, что человек сошел с пути эволюции, стал развиваться в условиях своей истории: «...в центральном и самом ответственном пункте - на грани интеллекта и устремления к прогрессу; в пункте, под которым разверзавшаяся бездна оказывалась наиболее зияющей и бездонной, мой мост дал провал, и в этот провал неожиданно для меня со свойственной ему экспансивностью как раз низвергнулся шимпанзе, оставив своего человеческого сверстника высоко-высоко наверху над собой...» [Там же, с. 494–495].

С именем Надежды Николаевны связан расцвет отечественной детской и общей психологии, приматологии и антропологии [Там же]. Заслуги Н.Н. Ладыгиной-Котс в области зоопсихологии, детской и сравнительной психологии были признаны и высоко оценены ее современниками. Ее книги привлекали внимание крупнейших ученых Европы.

Надежда Николаевна с Иони

Э. Клапаред в «Архивах психологии» (1924. Т. XIX. С. 191–192) писал: «Этот роскошный том, украшенный прекрасными фотографиями, излагает терпеливые эксперименты, выполненные в зоопсихологической лаборатории Дарвиновского музея в Москве госпожой Н. Котс над шимпанзе. Мы искренне надеемся, что госпожа

Котс может скоро опубликовать продолжение своих исследований, которые представляются образцом терпения, осторожности и вдумчивости в истолковании фактов».

Профессор М. Гольдсмит в 20-е годы XX столетия отмечал, что работа Н.Н. Ладыгиной-

С Иони в саду

Котс интересна по точности, тщательности и неизменному старанию не упустить ни одного факта, не позво-

ляя ни одному случайному обстоятельству исказить результаты опыта. K этим качествам следует отнести и то, как она входила в контакт с животными, никогда не прибегая к принуждению.

Позднее, в 1936 году, знаменитый американский психолог Роберт Йеркс писал, что госпожа Котс — талантливейший наблюдатель, чуткий и хорошо эрудированный, с преданностью и исключительной вдумчивостью описывающий в этом тщательном труде различные выражения и психологические черты у шимпанзе и человека.

Изобретенный Н.Н. Ладыгиной-Котс метод выбора на образец дал исследователю возможность изучать особенности восприятия и интеллекта. Впоследствии этот метод получил широкое распространение, в том числе в исследованиях детей и взрослых.

Надежда Николаевна в ту пору установила, что шимпанзе обладают способностью к отождествлению различных признаков предметов и к элементарной абстракции.

В 1925 году, спустя много времени после смерти шимпанзе Иони (1915), в семье Котсов родился сын Рудольф. Родители наблюдали за психическим развитием своего ребенка, вели дневниковые записи, фотографировали.

Эксперименты Н.Н. Ладыгиной-Котс с попугаями

Юная Надежда Николаевна и шимпанзе Иони

После написания многих и многих страниц дневника, документированного сотнями фотографий, выполненных А.Ф. Котсом и другими, было проведено трудоемкое сравнительное исследование свободного поведения литя шимпанзе и литя человека.

Написанная по этим материалам уникальная монография была издана в 1935 году. Книга, переведенная на многие европейские языки, и отдельный том с фотографиями принесли Н.Н. Ладыгиной-Котс мировую славу.

Надежда Николаевна показала, что основные психические процессы ребенка и шимпанзе качественно различаются. Лишь дитя человека проявляет (в 2–3 года) способ-

ность к абстрагированию, чему помогает развитие речи и ее знаковая функция.

Н.Н. Ладыгина-Котс не оставила своих исследований интеллекта шимпанзе и продолжила ставить опыты в Московском зоопарке. Как-то раз я, ученица 8 класса средней школы, стояла перед клеткой с шимпанзе Парисом и с изумлением наблюдала опыты, которые Надежда Николаевна проводила вместе со своим ассистентом Натальей Федоровной Левыкиной. Парис получал металлические трубки с вложенными в них ореха-

ми и удерживающими их комками бумаги. Парис смотрел внутрь, просовывал указательный палец, тряс трубку, но, не добившись желаемого, брал ветки деревьев, лежавшие на полу его клетки, обрывал с них боковые, более мелкие веточки, и сделанные им прутики совал в трубку. Из трубки выпадали орехи. Толпа собравшихся у клетки зрителей ликовала: молодец Парис!

Затем исследователи давали шимпанзе комок мягкого металла, свернутого в виде клубка ниток. Шимпанзе не сразу, но довольно быстро распрямлял мягкий провод и просовывал его конец в трубку. Результаты (добытые орехи) приносили радость толпе глазеющих посетителей зоопарка и удовлетворение самому шимпанзе. Исследователи тщательно фиксировали поведение Париса в своих рабочих тетрадях.

После этого я начала систематически ходить в зоопарк и наблюдать

Семья Котсов с малолетним Рудольфом

Семья Котсов годы спустя...

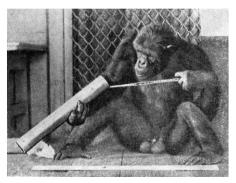
работу Н.Н. Ладыгиной-Котс с высшими приматами*— человекообразными обезьянами. Спустя некоторое время Елена Михайловна Кудрявцева привела нас в музей Дарвина к Надежде Николаевне. Полагаю, случайностей не бывает: главное — увидеть, где истоки твоего пути. Я навсегда осталась возле Надежды Николаевны, она стала моим Учителем. И не только в науке, но и в самой жизни.

Надежда Николаевна была очень красивой женщиной, доброжелательной, любезной, но как бы стоящей над другими. Как ей это удавалось? Влюбленная в науку и в своих испытуемых — попугаев, крыс, кошек, собак, низших и высших человекообразных обезьян, она пробудила в нас, подростках, интерес к поведению животных, особенно к удивительному сходству в эмоциях, в подражании и в способах решения некоторых проблемных ситуаций у обезьян и человека.

В первый же день знакомства с нами Надежда Николаевна провела экскурсию по Дарвиновскому музею. Она открыла перед нашим взором удивительный мир разнообразных животных, которые, как оказалось, находятся в эволюционной связи друг с другом. Животные обладают такими способами приспособления к условиям, в которых они живут, что возникает ощущение: мир удивительно рационален, а все животные в своем поведении разумны и прекрасно приспособлены к жизни.

Мне было в ту пору около 15 лет. Завороженная увиденным, я храбро заявила Надежде Николаевне, что тоже хочу изучать поведение животных (особенно обезьян), то есть стать натуралистом. Класс поддержал мои речи, и все девочки хором заявили, что тоже хотят учиться наблюдению за животными. Надежда Николаевна улыбнулась нашей горячности и предложила всем желающим прийти через месяц, указав конкретный день и конкретное время.

В назначенный день пришли только несколько моих одноклассниц, а через некоторое время я одна стала

Употребление лучины для выталкивания из трубы приманки:
Парис успешно решал все предлагаемые ему задачи

приходить к Надежде Николаевне. Тогда же началось мое обучение наблюдению за поведением животных. В музее на лестничных пролетах стояли клетки с крысами — они-то и стали моими первыми животными, поведение которых я начала изучать под руководством моего дорогого учителя.

Так с подросткового возраста я счастливо попала под научную и личностную опеку Надежды Николаевны, которая начала терпеливо и заботливо взращивать во мне любовь к наблюдению и к вчувствованию в про-

 $^{^{*}}$ Приматы (лат. primates первенствующие) – высший отряд млекопитающих, включающий полуобезьян, обезьян и человека.

явления животных. Этот удивительно высокий духовно и душевно человек в течение многих лет не оставлял своего покровительства и бережного введения меня в науку. Очень скоро я стала работать с макаками и капуцинами, а затем с шимпанзе и орангутангами.

Надежда Николаевна учила меня не только наблюдению над животными, но и ведению экспериментальных исследований. Она усаживала меня перед собой и переводила с европейских языков статьи, которые, по ее мнению, должны были быть мне полезны. Она побуждала меня к самостоятельной работе и публиковала мои первые откровения о животных в научных журналах Европы.

Она вводила меня в науку. Окончив школу, я поступила на биологохимический факультет МГПИ имени Ленина. Мне и в голову не пришло поступать в МГУ – ведь Надежда Николаевна жила и работала на территории музея Дарвина, а он был частью того вели-

тории музея дарвина, а он оыл частью того великолепного здания, где располагался главный корпус МГПИ (бывшие Высшие женские курсы).

Семья Котсов — Надежда Николаевна, ее супруг Александр Федорович и их сын Рудольф — проживала на территории музея. Жилые комнаты (столовая, комната Рудольфа, спальня Надежды Николаевны) располагались на первом этаже, а на втором были кабинеты Александра Федоровича и Надежды Николаевны. Эти апартаменты, вплоть до кончины Н.Н. Ладыгиной-Котс в 1963 году, воспринимались мной как эталон условий жизни настоящего ученого: помимо большого

Надежда Николаевна и Владимир Александрович Вагнер

количества специальных книг из области знаний, значимой для ученого-естествоиспытателя, там были другие книги, картины (по большей части художников-анималистов), скульптуры животных, а также множество тонких, высокохудожественных произведений, которые выводили мой потрясенный взор в широкую сферу большого искусства.

Под влиянием личности Н.Н. Ладыгиной-Котс в ауре Дарвиновского музея складывалась московская школа натуралистов-естествоиспытателей, которая, несмотря на все трудности, связанные в основном с ограниченностью в средствах, оказалась на редкость жизнеспособной.

Надежда Николаевна поддерживала тесные связи со многими учеными, работавшими в интересующей ее области знания. Так, она установила научный контакт и добрые человеческие отношения с известным ученым Владимиром Александровичем Вагнером, доктором зоологии, профессором сравнительной психологии Санкт-Петербургского Императорского университета (позднее Ленинградского государственного университета), автором многих работ в этой области, в частности фундаментальной монографии «Биологические основания сравнительной психологии» [2].

Александр Федорович Котс неукоснительно поддерживал научные устремления Надежды Николаевны: приобретение экспериментальных животных, их содержание, фиксирование их поведения и эмоций в фото-

графиях и зарисовках художникованималистов, прежде всего непревзойденного в своей области знаменитого художника-анималиста В.А. Ватагина.

В число художников-анималистов, сотрудничавших с Надеждой Николаевной, входил и Михаил Максимович Кукунов, который с 1950 года преподавал на факультативных курсах рисования в МГПИ имени Ленина. Сегодня ряд работ

Семья Котсов...

М.М. Кукунова, в частности картины «Трапеза барсов» и «Слоны идущие», – достояние Дарвиновского музея.

Как и В.А. Ватагин, М.М. Кукунов отличался способностью вникать в эмоциональные состояния изображаемых им животных, создавая образы психологически выразительные, легко читаемые зрителями. Н.Н. Ладыгина-Котс с истинным вниманием и глубоким уважением относилась к работе художников, деликатно указывая им на тонкости выразительных поз и движений изображаемых животных. Она считала работавших с нею художников-анималистов своими соратниками и друзьями.

Надежда Николаевна тесно общалась с талантливыми операторами и режиссерами документального кино. В музее сложилась богатейшая кинотека отечественных и зарубежных фильмов о животных, в том числе

М.М. Кукунов. Трапеза барсов

М.М. Кукунов. Слоны идущие

документальные съемки экспериментов самой Надежды Николаевны с обезьянами и детьми. Систематизацию этих материалов она осуществляла совместно с сыном Рудольфом. Книги Надежды Николаевны иллюстрированы ее собственными фотоматериалами и точными, выразительными рисунками художников-анималистов.

В 1945 г. Надежда Николаевна была приглашена на должность старшего научного сотрудника одним из крупнейших отечественных философов и психологов, лидером теоретической психологии Сергеем Леонидовичем Рубинштейном в возглавляемый им сектор Института философии АН СССР. Именно под опекой С.Л. Рубинштейна были изданы последние монографии в период с 1958 по 1965 г. В этом институте в 1953 г. Надежда Николаевна получила орден Ленина, здесь же была удостоена звания заслуженного деятеля науки РСФСР.

Нередко я помогала Надежде Николаевне тем, что носила ее конверты в Институт философии для С.Л. Рубинштейна и конверты от С.Л. Рубинштейна для Н.Н. Ладыгиной-Котс. Я была счастлива это делать, как и откликаться на любые другие просьбы Надежды Николаевны. Я очень любила этого человека. Люблю и восхищаюсь по сей день.

По инициативе Надежды Николаевны от Общества испытателей природы я не единожды ездила в Сухумский обезьяний питомник наблюдать за поведением семейства павианов, проживающих в идеальных условиях на большой территории, и их детенышей, забранных из малого пространства клеток, в которых размещались условные сообщества социальных животных (на одного самца по две самочки того же вида). Эти детеныши помещались в достаточно большом вольере, где за «старшего» смотрящего выступала взрослая самка, которую сотрудники прозвали «бабушка».

Наблюдая за малютками, оставшимися без матерей, я, к своему глубокому огорчению, видела, как эти сироты порой садились друг за другом, прижимаясь своими животиками к спинкам впереди сидящих. Выходила картина змеящейся живой линии, образованной из тел детенышей, цепко державшихся друг за друга: им не хватало материнских объятий...

Я с огорчением рассказывала Надежде Николаевне о состоянии детенышей, отнятых от матерей.

Надежда Николаевна устраивала также мои поездки в Колтуши, где я имела счастье наблюдать, как шимпанзе открывают для себя возможность решать проблемные ситуации. Однажды мы с молодыми сотрудниками устроили серию заданий для молодого шимпанзе Рафаэля. Вначале на плоту был поставлен «проблемный ящик», в глубине которого находились фрукты. Но между фруктами и лицом Рафаэля горел огонь, перекрывая шимпанзе доступ к фруктам. После многочисленных неудачных попыток достать плоды Рафаэль случайно задел кран от бака с водой, который помещался над горящей спиртовкой. Хлынувшая вода погасила огонь [3, с. 78].

В новой ситуации бак был поставлен на другой плот, который соединяла лежащая на двух плотах доска. Рафаэль, увидев бак с водой, быстро перешел по доске на другой плот и, набрав воду в кружку, вернулся на первый плот, где стоял «проблемный ящик». Выплеснув воду на огонь, он погасил его... и взял фрукты [Там же].

Когда мы увидели возможности интеллектуальных решений проблемных ситуаций шимпанзе, то, скорее озоруя и веселясь, оставили второй плот без бака с водой. Шагнув с берега на первый плот, Рафаэль сразу же поспешил на второй. Но бака там не оказалось! Рафаэль схватил пустую кружку в руку и... зачерпнул воду из пруда! Вспоминая о той поре, я писала: «Лишь в случае серии неудач животное реагирует наиболее высоким по уровню способом – интеллектуальным решением задач. Однако для животных возникшие ситуации редко становятся проблемными и, следовательно, не возникает выраженной необходимости в отражении на более высоком, интеллектуальном уровне. Интеллектуальное поведение (решение возникающих по ситуации проблем) остается для высших животных чаще всего как потенциальная возможность» [Там же].

Мы были счастливы: шимпанзе, как оказалось, может обобщить всякую воду как вещество, которым можно погасить огонь!

Эти наши «опыты» были для нас скорее игрой ума и озорством, нежели серьезным научным исследованием. Рассказывая об этой потрясающей ситуации Надежде Николаевне, я призналась, что серьезное исследование мы променяли на веселье и шалости. Надежда Николаевна сказала лишь, что этот опыт надо было бы повторить и зафиксировать на пленку.

Позже, так уж сложилось, я не смогла вернуться в Колтуши. Случившееся дало мне повод горько сожалеть об упущенной возможности провести серьезное исследование. Однако я не забыла, что только в случае серии неудач высокоорганизованное животное может отреагировать наиболее высоким способом интеллектуального решения задач. Еще я усвоила, что для животных возникающие ситуации редко становятся проблемными. Много позже, исходя из этого понимания, я писала: «Интеллектуальное поведение остается для животных чаще всего как потенциальная возможность» [3, с. 78].

С Надеждой Николаевной мы много раз обсуждали возможность установления контактов с социальными животными. Я делилась своим опытом взаимодействия с павианами, живущими на большой территории Сухумского обезьяньего заповедника.

Я рассказывала, как мне удавалось всякий раз избегать нападений вожака, когда малыши вытаскивали из моих карманов авторучки и записные книжки. Чтобы избежать их ужасных криков о помощи и нападений на меня вожака, я отдавала маленьким разбойникам содержимое

своих карманов и смиренно замирала перед мчащимся на меня агрессивно настроенным вожаком.

Рассказывая об этом, я старалась развеселить Надежду Николаевну, однако она предупреждала меня, что надо быть серьезнее в отношениях с животными...

Позже, когда я вышла замуж и у меня родились два мальчика, Надежда Николаевна дала настоятельный совет – вести дневник развития моих близнецов.

«Дорогая Лерочка!

Сердечно благодарю тебя за новогоднее поздравление, в свою очередь желаю тебе и твоим малюткам, а также мужу и маме всего-всего самого светлого.

Прости, что я запаздываю с ответом тебе, но у меня опять было повышено давление, и я несколько праздничных дней лежала в постели.

Надежда Николаевна всегда была красива и обаятельна

Тезисы твои я прочла и очень порадовалась, как ты их хорошо составила. Я их уже тогда же отправила профессору Ананьеву (в Ленинград). Желаю тебе, моя умница, и дальше не оставлять, а продолжать твою интереснейшую работу. Вот подрастут твои малютки — начинай вести и за ними систематические наблюдения и опыты по твоей же теме. С твоей созревшей мыслью и опытностью в наблюдении ты получишь ценнейший материал. Горячо желаю тебе успеха в этом деле и креп-

кого здоровья для выращивания, воспитания и наблюдения деток. В них твое личное и научное счастье. Целую тебя, моя дорогая.

Любящая тебя Н. Ладыгина-Котс

Наталья Фёдоровна присоединяет свой привет и лучшие пожелания. 16.1.1962».

Эти же пожелания Надежда Николаевна выразила мне, надписав их в дарованном мне своем замечательном труде «Дитя шимпанзе и дитя человека». Вот эти пожелания:

«Дорогой Лере Мухиной с самым горячим пожеланием остаться на правильно избранном и интересном научном пути и достойно завершить его». От автора Н. Ладыгина-Котс 13.V.1963.

Желаю тебе еще одно, не менее важное: вырастить твоих малюток, наблюдать за ними и отразить для науки ценные данные их психического развития. Н. Л-К.

Для меня Надежда Николаевна стала Учителем с большой буквы. Полюбив этого человека, я навсегда сохранила ее образ в своем сердце.

Надежда Николаевна тесно сотрудничала с замечательным ученым Борисом Федоровичем Поршневым, историком и философом, автором выдающейся монографии «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)». Монография посвящена проблеме происхождения общественного человека и человеческого общества. В отличие от доминирующих в мировой науке подходов, анализирующих переход от животного к человеку в модели «особь — среда», Б.Ф. Поршнев ставил в центр своего понимания модель «особь — особь». Главное место в его теории заняло исследование трансформации животного в человека с точки зрения психологии и физиологии высшей нервнойдеятельности. На основе собственных опытов и полевых исследований Борис Федорович выявил и глубоко проанализировал механизмы воздействия особей друг на друга. Им реконструированы условия, вызвавшие формирование и использование ближайшими предками человека этого механизма, а также первые этапы развития человека, вплоть до порождения речи, психики, мышления, творчества и социальных институтов [4].

Подобных исследований механизмов воздействия одной особи на другую как решающего фактора трансформации животного в человека, зало-

Юбилей Н.Н. Ладыгиной-Котс отмечали в Большой аудитории главного корпуса МГПИ им. В.И. Ленина. 19 мая 1959 г.

жившей фундамент всего дальнейшего исторического развития человечества, в мировой научной литературе по сей день нет.

Б.Ф. Поршнев в своей работе «Социальная психология и история» обосновывал, что психика человека социальна, ибо она в огромной степени обусловлена общественно-исторической средой. В большей части его монографии речь идет об основных категориях социальной психологии. Принципиальное внимание он уделял категориям «мы» и «они».

Согласно Б.Ф. Поршневу, «мы» и «они» – импульс первоначального расселения людей. Вся огромная человеческая история – это тоже «мы» и «они». Ученый писал: «Для того чтобы решить проблему принципиальной возможности социальной психологии, надо прежде всего на место понятий "я", "ты", "он" поставить в качестве более коренных, исходных "мы", "вы", "они"» [5, с. 80]. При этом, «если рассматривать вопрос именно с субъективной, психологической плоскости, "они" еще первичнее, чем "мы". Первым актом социальной психологии надо считать появление в голове индивида представления о "них"» [Там же, с. 81]. Ученый рассуждал, что при ясно выраженном сознании «они» – это не «мы» и, наоборот, «мы» – это не «они»: «Только ощущение того, что есть "они", рождает желание самоопределиться по отношению к "ним", обособиться от "них" в качестве "мы"» [Там же]. При этом: «Чужих узнают по их отличию от своих, своих – по отличию от чужих» [Там же, с. 98]. И далее: «Именно противопоставление своей общности другой всегда способствовало фиксации и активному закреплению своих этнических отличий и тем самым – скреплению общности» [Там же, с. 99].

Надежда Николаевна поддерживала дружеские связи с Борисом Федоровичем Поршневым. Двум блистательным ученым было о чем говорить друг с другом, несмотря на кажущиеся различия в их глубинных ориентациях на отрасли наук.

Надежда Николаевна и Борис Федорович часто встречались на территории музея и обсуждали значимые для них проблемы происхождения

человека из доисторических предтеч. Они были единомышленниками и поддерживали друг друга, хотя каждый шел в науке своим собственным путем. Эти два человека глубоко уважали и понимали друг друга. Оба они были честными, бескомпромиссными учеными и яркими уникальными личностями.

В свои юные лета в доме Н.Н. Ладыгиной-Котс я была представлена Борису Федоровичу, который начал опекать меня. Вскоре и его я стала считать своим учителем.

Б.Ф. Поршнев был охвачен страстным поиском следов снежного человека. В его библиотеке хранились изданные в мире книги о снежном человеке, он сам выезжал в экспедиции на поиски этого неуловимого создания и был бескомпромиссен в своей целеустремленности.

Хочу передать один диалог между двумя столь почитаемыми мной людьми. Общение происходило в кабинете Надежды Николаевны.

«Борис Федорович: Надежда Николаевна! Мне предлагают подать документы в Академию наук.

Надежда Николаевна: Прекрасно! Поздравляю!

Борис Федорович: Но они мне поставили одно условие... Я должен "перестать гоняться за снежным человеком".

Надежда Николаевна: Ну а вы?

Борис Федорович: Конечно, не перестану!

Надежда Николаевна: Вот и хорошо» [6, с. 9].

Затем дорогие мне люди начали обсуждать проблему личности ученого. Затаив дыхание, я слушала речи двух истинных ученых, двух истинных цельных личностей.

Не только глубокая включенность в научные проблемы, но и личностная позиция определяют путь человека в науке. Поршневская модель начала человеческой истории «особь – особь» и модель человеческих отношений «человек – человек», представленная К. Марксом и Ф. Энгельсом, являются фундаментальной, сущностной методологической позицией, объясняющей вырастание в человеке личностного начала. Человек сам «выделывает себя», как об этом замечательно написал в своих дневниках Ф.М. Достоевский.

Мне повезло: на моих глазах два ученых, две личности беседовали о нравственных принципах, не ведая о том, что в тот момент они дают мне пример нравственного выбора...

Надежда Николаевна была всегда активна в своих взаимоотношениях с учеными своей страны и Европы. Она поддерживала переписку со многими учеными, работающими в сопряженных с ее интересами областях наук. Будучи моим истинным учителем, она не только переводила для меня работы с европейских языков, но и посылала результаты моих наблюдений и исследований на конференции в Европу как материалы для книг, которые писали ее знаменитые коллеги.

Так, переписываясь с Дезмондом Моррисом, который работал над монографией «Биология искусства», она передала ему собранные мною в Сухумском питомнике обезьян рисунки капуцинов и шимпанзе. Эти рисунки Д. Моррис опубликовал и прокомментировал на страницах своей

книги (Desmond Morris. The Biology of Art. – L., 1962). Надежда Николаевна последовательно вводила меня в науку.

Н.Н. Ладыгина-Котс принимала участие в издании на русском языке книг Яна Дембовского «Психология животных» и «Психология обезьян». Ян Дембовский не раз

Государственный Дарвиновский музей

посещал Надежду Николаевну: ученые сотрудничали в значимой для обоих области знаний.

Интерес к биению пульса науки в избранном направлении сопровождал Надежду Николаевну до конца ее замечательного, уникального жизненного пути.

Супруги Котс стремились найти для Дарвиновского музея более просторные площади, но – увы! – музей переехал в новое, специально построенное здание на улице Дмитрия Ульянова лишь после кончины обоих ученых.

Профессиональные отечественные и зарубежные детские психологи, приматологи, сравнительные психологи неизменно продолжают отсылать себя к идеям и экспериментальным результатам Надежды Николаевны.

Московские высшие женские курсы. В центре – Александр Федорович Котс и Надежда Николаевна Ладыгина

Надежда Николаевна Ладыгина-Котс, студентка Высших женских курсов, прожившая бо́льшую часть своей творческой жизни в стенах МГПИ имени Ленина и Дарвиновском музее, являет собой образец высокой духовности, чистой и глубокой личности, истинного представителя интеллигенции.

- 1. Ладыгина-Komc H.H. Дитя шимпанзе и дитя человека: в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях (с 145 таблицами). M., 1935.
- 2. Вагнер В. Биологические основания сравнительной психологии (Биопсихология). Т. 1. СПб.; М., б.г.
- 3. Мухина В.С. Развитие психики и сознания // Общая психология / под ред. академика АПН СССР А.В. Петровского. 3-е изд., переработ. и доп. М., 1986. С. 63—91.
- 4. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). M., 1974.
- 5. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. Изд. 2-е, доп. и испр. М., 1979.
- 6. Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). 5-е изд., испр. и доп. M., 2017.

References

- 1. Ladygina-Kots N.N. Ditya shimpanze i ditya cheloveka: v ikh instinktakh, emotsiyakh, igrakh, privychkakh i vyrazitel'nykh dvizheniyakh (s 145 tablitsami). Moscow, 1935. (in Russian)
- 2. Vagner V. Biologicheskie osnovaniya sravnitel'noj psikhologii (Biopsikhologiya). T. 1. St. Petersburg; Moscow, b.g. (in Russian)
- 3. Mukhina V.S. Razvitie psikhiki i soznaniya. In: *Obshchaya psikhologiya*. Pod red. akademika APN SSSR A.V. Petrovskogo. 3-e izd., pererabot. i dop. Moscow, 1986, pp. 63–91. (in Russian)
- 4. Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoj istorii (Problemy paleopsik-hologii). Moscow, 1974. (in Russian)
- 5. Porshnev B.F. *Sotsial'naya psikhologiya i istoriya*. Izd. 2-e, dop. i ispr. Moscow, 1979. (in Russian)
- 6. Mukhina V.S. Lichnost': *Mify i Real'nost' (Al'ternativnyj vzglyad. Sistemnyj podkhod. Innovatsionnye aspekty).* 5-e izd., ispr. i dop. Moscow, 2017. (in Russian)